

Фу Елю не мог ничего поделаться и был вынужден сопровождать нового императора.

— Ваше Величество! Умоляю Вас учиться усердно, чтобы не опозорить покойного императора.

Однако новый император, казалось, совершенно не интересовался этим. После некоторого времени занятий он с плаксивым выражением лица подошел к Фу Елю.

— Елю, я голоден.

Фу Елю, глядя на его жалобное выражение, почему-то вспомнил свою черную собаку. В сердце его шевельнулось сочувствие. Что ж, император тоже несчастен. Он никогда не получал должного воспитания для правителя, а теперь его поставили на трон, не имея никакой надежды на успех. Ну что ж, он будет присматривать за ним.

— Отныне обращайтесь к себе как «Мы». Гунгун Шунь, подайте ужин.

Первая часть фразы была наставлением для императора, вторая — для евнуха Шуня.

Первый принц, услышав об ужине, расцвел от радости.

Когда блюда начали подавать, император не мог сдержать слюну. Однако ему было неловко есть в одиночестве, в то время как все вокруг стояли.

— Елю, подойди, поешь со мной... с Нами.

Он поправился, глядя на взгляд Фу Елю, но выражение его лица стало еще более жалобным.

— Это нарушает правила, прошу Ваше Величество всегда помнить о различии между государем и подданным.

Фу Елю старался игнорировать жалобное выражение императора. Хотя бы научил его, что он — правитель!

Слова «нарушает правила», произнесенные Фу Елю, были действительно удивительны. Всем в столице было известно, что Девяти тысячелетний ненавидел правила! Покойный император любил его больше, чем собственных детей. Такой человек был поистине вторым после императора, и никто в столице не смел его трогать!

Теперь же он был так покорен перед новым императором, не имеющим никакой опоры. Это было действительно странно.

— Сейчас здесь нет посторонних, какие могут быть правила? В столице Мы знаем только тебя, подойди скорее.

Новый император, казалось, совершенно не понимал, что перед ним стоял человек с огромной властью. Для него Фу Елю был единственной опорой в столице.

Фу Елю давно не видел такого взгляда. Все вокруг либо льстили ему, либо боялись. Такой чистый, лишенный корысти взгляд тронул его.

Правитель не был правителем, подданный — подданным, но ужин прошел очень весело.

На этом закончилась первая сцена.

Одним взглядом Гуань Янь оживил тревогу Первого принца и его зависимость от Фу Елю, а детали, которые показал Тан Цюй, были просто безупречны: он поправлял одежду императора, наставлял его.

Хотя они играли в павильоне, они перенесли всех присутствующих в те времена, когда правитель и подданный зависели друг от друга.

После небольшого перерыва началась вторая сцена.

Вторая сцена также была из повседневной жизни правителя и подданного.

— Елю, Мы устали! Дайте Нам отдохнуть!

После церемонии восшествия на престол новый император начал разбирать накопившиеся доклады. Гора бумаг была огромной.

— Этот подданный уже отфильтровал некоторые из них, остальные прошу Ваше Величество рассмотреть внимательно!

Фу Елю всегда был почтителен.

— Но Мы ничего не знаем, как Мы можем их рассмотреть?

— Ваше Величество просто рассмотрите их, этот подданный будет следить за Вами.

Изначально Фу Елю хотел найти для императора учителя, но, увидев отношение министров, которые не воспринимали нового императора всерьез, он отложил этот вопрос.

Император мог только смириться и начать просматривать доклады один за другим. Те, что он просматривал, Фу Елю проверял повторно, а затем передавал евнухам.

— Ваше Величество, на сегодня хватит!

Едва Фу Елю закончил говорить, император бросил кисть и приказал евнуху Шуню подать ужин.

Фу Елю было смешно. Ничему не научился, а вот это схватил быстро.

В последние дни они ужинали вместе, и сегодня не было исключения. Фу Елю думал, что, возможно, это из-за того, что император был прирожденным правителем. Хотя он ел быстро, это не выглядело небрежно, а скорее естественно и благородно.

Естественно? Это слово Фу Елю давно не слышал. Попадая во дворец, как в глубокое море, даже он, Девятитысячелетний, должен был всегда помнить о правилах. Он уже почти забыл, зачем он пришел во дворец. К счастью, в новом императоре он увидел надежду!

— Елю, не смотри на Нас так, а то Мы подумаем, что ты хочешь Нас съесть!

— Этот подданный виноват!

— Не будь таким, всегда следуя правилам. Мы в столице одни, и все зависит от тебя!

— Стоп!

Режиссеру действительно было жаль останавливать сцену. Ему казалось, что Гуань Янь и Тан Цюй играли настолько естественно, что это было больше похоже на реальную жизнь, чем на игру.

Но, как ни жаль, он должен был остановить съемку, ведь Фу Елю и император были всего лишь персонажами из сценария.

— Третья сцена, готовы!

Хотя новый император был старше Фу Елю, внешне он казался зависимым от него.

После ужина наступало время для императорских занятий каллиграфией. После того как Фу Елю увидел почерк императора, даже такой спокойный человек, как он, был шокирован. Это было совсем не похоже на письмо! Поэтому Фу Елю добавил занятия каллиграфией в ежевечерний распорядок.

Император сидел на стуле, а Фу Елю держал его руку, выводя иероглиф за иероглифом. Девятитысячелетний никогда бы не признался, что император сидел только потому, что он был ниже ростом.

— Елю, от тебя так приятно пахнет!

— Подданный не женщина, откуда тут запаху? Ваше Величество, не отвлекайтесь.

— Но действительно пахнет!

С этими словами император повернулся, чтобы понюхать.

— Ваше Величество!

Фу Елю отпустил руку императора и отступил на несколько шагов.

Император посмотрел на Фу Елю и вдруг подумал: «Какой он милый и даже немного мягкий, совсем не похожий на того Девятитысячелетнего, о котором говорят в народе».

— Ваше Величество, на сегодня хватит, этот подданный откланивается!

Растерянный Девятитысячелетний даже не подозревал, что император просто хотел посмотреть, есть ли у него на шее метка, так как ранее, во время покушения, он ясно видел, что у нападавшего на шее было родимое пятно.

На этом сотрудничество Тан Цюя и Гуань Яня было почти завершено, оставалась только финальная сцена Тан Цюя.

Фу Елю появлялся в начале, был наставником императора, но был неправильно понят им и погиб, оставив в сердце императора неизгладимый след.

Гуань Янь пригласил Тан Цюя на эту роль не только из личных соображений, но и потому, что он считал, что только Тан Цюй сможет сыграть искренность Девятитысячелетнего.

Увидев Тан Цюя впервые, он сразу понял, что это он, и даже если бы между ними не возникло чувств, он все равно пригласил бы его.

— Учитель Тан, учитель Гуань, спасибо за труд!

После трех сцен подряд, снятых без дублей, они действительно были великолепны.

На съемочной площадке, помимо актеров и съемочной группы, их восхищал еще и один артист по фамилии Сюй.

Эти сцены были настоящим сахаром!

Он был уверен, что в этом фильме Фу Елю — главная героиня!

Он думал о завтрашней сцене, где его персонаж, второй принц, должен был преподнести императору красавиц, и вдруг почувствовал отвращение к себе. Как можно разрушить такую прекрасную пару!

И что хуже всего, завтра была финальная сцена Тан Цюя!!!

После съемок Тан Цюй и Гуань Янь вместе отправились домой.

Увидев, как они сели в одну машину, Сюй Нинцзе не мог сдержать своего восторга. Если это не настоящие чувства, то что тогда настоящее!

Тан Цюй и Гуань Янь даже не подозревали, что в съемочной группе был такой фанат их пары.

После трех сцен, снятых за один день, они, несмотря на свой профессионализм, чувствовали усталость.

Тихо сидя на заднем сиденье, Гуань Янь держал руку Тан Цюя, время от времени поглаживая ее.

Эти тонкие и нежные руки, Гуань Янь думал, что никогда не устанет от них.

Тан Цюй же, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза, отдыхая.

Они поднялись на лифте из подземной парковки и дошли до дома, не отпуская руки друг друга.

Но едва они вышли из лифта, как увидели у двери жалобно сидящего Юй Тина.

Юй Тин, и без того выглядевший несчастным, увидев, что Тан Цюй и Гуань Янь идут, держась за руки, чуть не выпал в осадок.

— Вы... вы... вы...

Гуань Янь бросил на Юй Тина взгляд.

— Посторонись, мы еще не поужинали.

И Юй Тин, не отрывая глаз от их рук, последовал за ними в гостиную.

— Подожди немного, я приготовлю ужин.

Нежный голос Гуань Яня заставил Юй Тина задуматься, не подменили ли его дядю.

— Вы правда вместе?

Пока Гуань Янь был на кухне, Юй Тин подошел к Тан Цюю и тихо спросил.

Тан Цюй усмехнулся и кивнул.

— Боже, мама была права! Когда вы успели сойтись? Я ничего не знал!

Тан Цюй вздохнул.

— Что значит «сойтись»? Ты же образованный человек, можешь говорить культурно?

— Какая культура, у меня тут дом горит, мне не до этого.

<http://bllate.org/book/16733/1560972>